

Вия Артмане

народная артистка
СССР

Школа реализма

Теорий современного сценического искусства много. Я решительный сторонник системы К. С. Станиславского. Я — за реализм! За искусство большой социальной правды. Именно таким всегда был для меня Рижский театр русской драмы, столетие которого сейчас отмечает вся наша республика.

Этот театр открыл мне великое духовное богатство — русскую классику. Он помог мне, тогда лишь делавшей первые самостоятельные шаги в искусстве, понять, что такое русская актерская школа, оказавшая такое сильное влияние на развитие и нашего, латышского, сценического искусства. Мой учитель — Эдуард Смильгис был другом русского театра и указал нам путь в него, к истокам русской классической и современной драматургии. Смильгис считал, что без этого стать полноценным латышским современным артистом невозможно.

Юрий Юровский, Бунчук, Николай Барабанов... Удивительный актерский темперамент и правда чувств Сергея Васильева... Все они были моими наставниками, даже не подозревая, наверное, этого.

Многих отличных артистов подарил Рижский театр русской драмы стране. Все они, как и я, воспитаны на «Короле Лире» Юровского.

У меня есть еще и свой собственный, личный повод для благодарности Русскому театру. Приведу лишь два случая из моей творческой биографии.

В 1954 году мне была оказана высокая честь — поручено во время декады латышской культуры и искусства вести концерт в столице нашей Родины. Меня и радовало, и... пугало такое поручение: ведь я тогда еще так плохо говорила по-русски. Не скрою, не спала многие ночи, думая об этом.

Руку помощи протянул мне Николай Барабанов. Он взялся «отрежиссировать» мою русскую речь и особенно научить произносить шипящие звуки, которых нет в латышском языке. Как же терпеливо, как деликатно и умело занимался Барабанов моим произношением! До сих пор его советы оживают в моей памяти, в моем сердце, когда я готовлюсь к очередному выступлению на русском языке.

Потом, сидя в зрительном зале и следя за игрой Барабанова, я буквально наслаждалась музыкой его русской речи. Ухо благодарно ловило тончайшие нюансы этого виртуоза богатейшего великого русского языка. Жаль, что теперь иные артисты, особенно молодые, забывают, какую великую силу эмоционального воздействия имеет техника речи актера, владение этим могучим аппаратом

воздействия на слух и сердце зрителя. Кое-где бытует еще попытка играть «как в жизни», то есть проборматывать текст, не умея заставить себя «работать» на идею, музыку слова.

Наш столетний русский театр неизменно учил, в том числе и нас, латышских актеров, выбивать «искру» сопереживания зрителя любовным и прекрасным звучанием художественной речи. Само собой разумеется, что такая «искра» может засверкать только при условии, когда «поджигает» ее значительная, воистину художественная литература. И потому так ценно, что репертуар Рижского театра русской драмы всегда строился именно на основе первоклассной драматургии.

Да, образность и красота русской артистической речи, как это ни парадоксально, помогли мне добиться, чтобы «звучали» моя Аркадина в «Чайке», Надежда Монахова в «Варварах», Настасья Филипповна в «Идиоте», которых я играла, понятно, на латышском языке.

Второй эпизод моей творческой биографии связан с именем Юрия Юровского.

Я становилась киноартисткой. Играла во втором моем фильме — «За лебединой стаей облаков». Его ставил режиссер П. Арманд. Он пригласил Ю. Юровского на должность режиссера-консультанта по работе с акте-

рами. И началась упорная борьба за профессионализм, за мастерскую форму, в том числе за «языковую пластику». Юровский оказался деликатным, но очень требовательным учителем. За каждый шаг вперед он награждал артиста вдохновляющей похвалой. А меня, тогда юную сладкожку, еще и вкусной конфетой, которые всегда находились у него в кармане.

Были в истории Театра русской драмы и спады, и периоды неудач. Но, к счастью, они — в прошлом. Последние годы Рижский театр русской драмы открывает все новые и новые дали, упругий ветер дует в его паруса. Стали практиковаться творческая «взаимовыручка» — обмен артистами, режиссерами между русским и латышскими театрами. Так, народный артист республики, главный режиссер русского театра А. Кац поставил в нашем театре «Варваров», «Обрыв». Роль Бабушки в «Обрыве» великолепно, с какой-то неистовой самоотдачей сыграла наша великая артистка Лилита Берзинь. Этот истинный творческий подвиг совершила она, уже будучи тяжело, смертельно больной. Это было ее поистине лебединой песней...

Очень интересно было работать с А. Кацем над ролью Надежды Монаховой в «Варварах». Смильгис учил нас самостоятельности.

Кац понял, что эти традиции сидят в нас, смильгисовцах, очень глубоко, с ними в противоречия вступать нельзя. И дал нам возможность «самовыражаться», едва заметно направляя наш поиск. И я шла к образу своей Надежды, даже не замечая, что трансформирую, пропускаю через собственное сердце именно те советы, которые так ненавязчиво давал мне режиссер.

Есть прекрасные спектакли в Рижском театре русской драмы и самых последних лет. Например — «Ревизор» с юним Ильяным в роли Хлестакова. Это, я бы сказала, романтический вариант беззащитного, обманутого жестокой жизнью гоголевского «антигероя».

Мы привыкли, что спектакли этого театра всегда идут с аншлагом. И радуемся, и гордимся этим — это ведь и наша победа! Ибо сегодня русские и латышские артисты — единая семья, в которой одинаково драгоценен каждый брат. Нас сближало многое, в том числе и кинематограф, где мы работаем вместе, рука об руку. Но главное — нас породнили общие цели в искусстве — нести в народ высокие идеи социальной и нравственной правды.

От имени латышских друзей и братьев — низкий поклон столетнему, но полному юношеских сил Рижскому театру русской драмы.